Джоанна Кэннон
врач-психиатр, писатель

Я врач!

О тех, кто ежедневно
надевает маску супергероя

Джоанна Кэннон

Я врач! О тех, кто ежедневно надевает маску супергероя

Серия «Медицина изнутри. Книги о тех, кому доверяют свое здоровье»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56127965
Джоанна Кэннон Я врач! О тех, кто ежедневно надевает маску супергероя:
ISBN 978-5-04-109825-4

Аннотация

Интересно ли вам взглянуть на медицину под другим углом и узнать, что чувствуют врачи, когда спасают жизни людей? Джоанна Кэннон, автор книги и врач-психиатр, не боится говорить о собственной уязвимости и совершенных ею ошибках. Для этого она проведет вас по больничным палатам и расскажет о пациентах, с которыми познакомилась по долгу службы. Каждая ее история наглядно показывает, что пациенты и врачи – обычные люди, заслуживающие уважения и сочувствия, и призывает гуманно относиться друг к другу. Медицина не ограничивается скальпелями и дефибрилляторами, автор рассказывает, как важно быть рядом с умирающим пациентом в

последние часы его жизни и как зачастую одно правильно или неправильно подобранное слово может сыграть огромную роль. Несмотря на все препятствия, которые порой казались Джоанне непреодолимыми, она все же осталась в медицине, поняв, что это ее призвание.

Содержание

1	7
2	11
3	20
4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

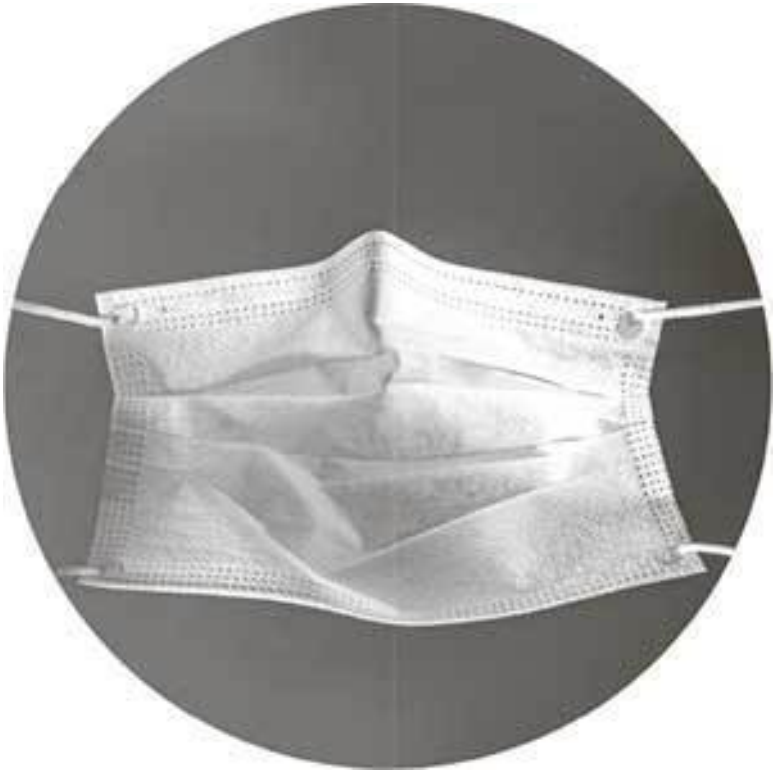
Джоанна Кэннон
Я врач!
О тех, кто ежедневно надевает маску супергероя

Joanna Cannon
BREAKING AND MENDING:
A junior doctor's stories of compassion and burnout
Copyright © Joanna Cannon, 2019

Серия «Медицина изнутри. Книги о тех, кому доверяют свое здоровье»

© Иван Чорный, перевод на русский язык, 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *



Посвящается Микаэле

1
Сломленная

Мы всегда стремимся сделать для наших пациентов все возможное, обеспечить им наилучший возможный уход – почему же мы не делаем то же самое и для своих коллег?
***Младший врач*[1]**

Несколько месяцев назад я оказалась в отделении неотложной помощи.

Никогда не чувствовала себя настолько плохо. Я была разбита физически и эмоционально. На самом деле я была настолько сломлена, что толком не ела и не спала, и даже не меняла выражения лица – месяцами. У меня тряслись руки. В глазах стояли слезы, и я сидела за тоненькими шторками, слушая происходящее вокруг меня в больнице. Больше всего сил уходило на то, чтобы не заплакать. Казалось, словно

[1] Должности здесь и далее указаны согласно больничной иерархии в Англии. Окончив медицинскую школу, студент получает диплом и становится младшим врачом. Затем он на протяжении многих лет проходит стажировки в различных специальностях – терапии, хирургии, психиатрии и т. д. – сначала в роли интерна, потом ординатора. Это не совсем стажировка в привычном понимании, так как он выполняет реальную работу, от него зависят жизни пациентов. Определившись со специальностью, он многие годы может продолжать работать младшим врачом, пока где-нибудь не освободится должность консультанта, которую ему удастся заполучить.

сам костяк моей души – тот хрупкий каркас, что поддерживал тело, – дал трещину и начал разваливаться и что, если никто не протянет мне руку помощи, если этого никто не заметит, сама моя сущность прорвется наружу и будет навсегда утрачена. Я понимала, что нахожусь в миллиметре от полного краха, от признания собственного поражения, которое казалось мне неизбежным, однако в то же время я знала, что должна бороться и как-то это преодолеть.

Потому что я не была пациентом. Я была врачом.

Мы встречаем их каждый раз, когда приходим в больницу. Армию белых халатов и стетоскопов, курсирующих по коридорам со спокойным и уверенным видом.

По какой-то странной причине мы считаем врачей неуязвимыми. Словно понимание механизмов болезни каким-то образом может защитить человека от нее. У кардиологов не бывает стенокардии, пульмонологи не страдают астмой, а психиатрам не суждено на собственном опыте испытать депрессию.

Все это сплошные заблуждения, хотя, пожалуй, они и необходимы, так как помогают не терять веру в то, что врач может нас спасти. Ведь если врачи не в состоянии спасти самих себя, то какую надежду они могут дать другим?

Но для кого-то стетоскоп – не столько защитный оберег,

сколько фактор риска, потому что связан с невообразимой ношей. Ноша врачебного призвания – давление этого образа, который формировался и отшлифовывался в сознании с детства. Образа, созданного фильмами и телесериалами, книгами, мыльными операми и журналами. Врачи беспристрастны, спокойны, обладают обширными знаниями. Они защищают, лечат, приводят в порядок. Врачи решают проблемы. Пять лет мы проводим в медицинской школе, где нас учат этому, после чего попадаем в больницу и понимаем, что существует огромное количество проблем, решить которые мы в жизни не сможем. Все эти пять лет мы просиживаем перед бесконечными экзаменационными листами с пустыми белыми полями, в которых нужно написать, как бы ты поступил в том или ином воображаемом сценарии – после чего обнаруживаем, что во многих реальных жизненных ситуациях лучше вообще ничего не делать. Когда на смену учебникам приходят живые люди, а воображаемые сценарии становятся реальными, мы наконец понимаем, что хороший врач определяется вовсе не тем, как он решает человеческие проблемы. Мы также обнаруживаем, что неспособность вылечить человека не делает нас несостоявшимися неудачниками, и узнаем, что пустое белое поле в некоторых случаях и есть правильный ответ. Но мы осознаем все это, лишь пройдя сотни километров по больничным коридорам, маневрируя по столь чуждому и непростому ландшафту, что порой недоумеваем, как вообще здесь оказались изначально.

Но мы непременно всему учимся. В итоге. Если, конечно, нас прежде не сломает происходящее.

Каждый раз, когда я читаю про очередного врача, решившего уйти из жизни, про кого-то, почувствовавшего потребность сбежать с этого ландшафта, у меня на мгновение замирает дыхание, потому что на его месте мог оказаться любой из нас. И этим человеком уж точно могла стать я, сидевшая за шторкой в отделении неотложной помощи, пытаясь понять, как работа, в которой я столь решительно хотела преуспеть, стала моим заклятым врагом. Я вспоминала свою медицинскую школу, все прожитые моменты, которые переплелись воедино и привели меня сюда. Я вспоминала и более отдаленное прошлое – собеседование при поступлении в медицинскую школу, когда я с таким пылом рассказывала о профессии, к которой мне столь сильно хотелось примкнуть. Это была моя мечта, моя главная цель, но в итоге она оказалась настолько ярким и жестоким кошмаром, что я уже не могла его вынести.

Если бы в тот день, когда я посреди суматохи отделения неотложной помощи пыталась отползти от края обрыва, мне кто-нибудь показал на дверь с надписью «выход», я бы с удовольствием через нее прошла.

2
Истории

До поступления в медицинскую школу идея о том, чтобы стать врачом, была лишь далекой мечтой. Мечтой, в основе которой лежали мой ранний детский опыт, воспоминания о нашем терапевте, семейном враче, об операции на моих косолапых ногах и последующей реабилитации, о том, как мне удалили аппендикс. Эти мимолетные, но яркие моменты оставили в моей жизни более глубокий отпечаток, чем все остальные. И этот отпечаток послужил основой для сформировавшегося у меня образа врача. Мои воспоминания о чувстве защищенности, несмотря на страх; о грандиозных способностях, а прежде всего о доброте. Это были воспоминания о враче, которым я хотел стать.
Консультант

Когда проходишь собеседование при поступлении в медицинскую школу, среди всех многочисленных тем, которые тебе, вероятно, предложат обсудить, только один вопрос будет задан наверняка. Только один вопрос, ответ на который можно подготовить заранее: «Скажите, почему вы хотите стать врачом?»

Мы все отвечаем: «Я хочу стать врачом, потому что люб-

лю людей», – однако на самом деле подразумеваем, что любим истории. Они связывают нас вместе, объединяют, и мы делимся своими историями в надежде, что кто-то их выслушает, что нас поймут.

Через несколько месяцев тех, кому посчастливилось получить заветное место по результатам собеседования, собрали вместе в самом начале обучения, угрюмым сентябрьским утром, в медицинской школе. Мы и представить себе не могли, что опыт, который предстояло совместно получить, объединит нас на всю оставшуюся жизнь, что следующие пять лет положат начало дружбе, отношениям и даже бракам и совместным детям. В тот момент мы все были еще незнакомцами, собравшимися в темном лекционном зале и пребывавшими в волшебном и волнительном ожидании.

Началась вступительная лекция. На кафедру перед нами вышел ученый и невероятно сведущий профессор. Облокотившись на трибуну, он принялся изучать свою аудиторию с ученым и невероятно проницательным видом, и мы с замиранием сердца ждали в полной тишине. Все триста человек. Когда же наконец заговорил, казалось, он проникся самой сутью того, что каждый из нас чувствовал. Что мы чувствовали все предшествовавшие недели, когда покупали учебники из четырехстраничного списка и без конца изучали свое будущее расписание. Когда нами хвастались перед друзьями и родными. Когда мы мечтали. Осмеливались верить, однако отметали эту веру, как полную глупость. Все мы чувствовали

это тем утром, пока шли, ехали на велосипеде или на машине к началу своей новой жизни. На каждого из присутствовавших в том зале приходилось четыре других человека, которым хотелось оказаться на его месте. Это же явно говорило о том, что мы способные? Это же определенно означало, что нам наконец дозволено воплотить в жизнь свои давние мечты, почувствовать, каково это. И тем не менее мы все ощущали себя глупо, нам все казалось очень нелепым. Слишком *неправдоподобным*. Как бы то ни было своими словами в то мрачное сентябрьское утро мудрый профессор сумел в точности отразить то, что чувствовал каждый из нас, и в тот самый момент все перестало казаться таким уж нелепым. В тот самый момент все стало для нас реальным.

«Добро пожаловать, – сказал профессор, – в первый день вашей медицинской карьеры».

Триста человек, что сидели в лекционном зале, представляли собой весьма разношерстное сборище. У одних родословная была усеяна врачами, а другие первыми в своей семье увидели университет изнутри. Кто-то проехал всего пару миль, а кому-то пришлось преодолеть полмира, чтобы попасть сюда. Одни только что окончили школу либо вернулись, проколесив год после школы по планете, а другие вроде меня решили заняться медициной гораздо позже, когда им было уже за тридцать, а то и за сорок, перепробовав, казалось бы, совершенно не связанные с ней профессии, которые потом странным образом пригодились. Вместе с тем об-

щей у нас была любовь к историям, слушать которые предстояло до конца своих дней. Историям, рассказанным в тишине хосписа или в суматохе амбулаторной клиники. Историям, поведанным шепотом посреди шума и гама отделения неотложной помощи. Историям забавным и грустным. Историям, сплетенным изо лжи, которую приходилось распутывать. Историям, которые вызывали смех, отчаяние или тревогу. Историям, благодаря которым мы улыбались по дороге домой. И другим, невероятно трогательным историям, которые останутся с нами на всю жизнь.

Меня часто спрашивают, что общего между врачом и писателем, и ответ чрезвычайно прост. В основе любого рассказа лежит повествование, чей-то голос, и в медицине все точно так же, потому что здесь центральное место занимают люди, а люди сотканы из историй.

Темные лошадки

Пять лет кажутся долгим периодом для получения диплома, однако на деле они пролетают, словно мгновение. Пять коротких лет, чтобы превратить полностью предсказуемых студентов во врачей. Не только дать им огромное количество знаний и информации, но и привить совер-

шенно новый взгляд на мир. Новый склад ума, новую роль. Одним эта роль дается легко, хотя они не справляются с нагрузкой. Другие без труда сдают экзамены, но чувствуют себя в этой роли некомфортно. У нас есть пять лет, чтобы что-то исправить, чтобы воспитать, поддержать, подготовить. По окончании этого срока мы отпускаем человека в надежде, что сделали достаточно.

Иногда оказывается, что это не так. Иногда они ломаются. Мы выбираем самых успешных, педантов, лучших в своих школах, капитанов спортивных сборных, детей, которые всю свою пока недолгую жизнь были лучшими, завоевывали призы и награды, которым рукоплескали, которых замечали, которые привыкли выделяться. Когда берешь такого человека и сажаешь его с еще тремя сотнями точно таких же, чтобы больше никто не выделялся, и тем, кто без труда получал пятерки, теперь приходилось стараться изо всех сил, чтобы поспевать, а еще добавляешь ко всему огромную нагрузку и давление, то неудивительно, что некоторые из них ломаются. По правде говоря, я удивлен, что такое не случается еще чаще.

Я помню всех своих студентов, однако больше всего запоминаются те, кто ломается, потому что я непременно спрашиваю себя: если бы я был повнимательнее, если бы получше сосредоточился, возможно, мне удалось бы вовремя обнаружить наметившуюся трещину? Может быть, мне удалось бы это предотвратить?

Я была темной лошадкой.

При поступлении со мной беседовал пожилой и собирающийся выходить на пенсию профессор, и по иронии судьбы в следующий раз я увидела его лишь на церемонии вручения дипломов. Я поблагодарила его за предоставленную возможность, даже и не надеясь, что он меня вспомнит.

Он вспомнил.

– Каждый год я беру кого-нибудь, кто выбивается из толпы. Иду на большой риск. В тот год я выбрал тебя, – сказал он. – Ты была моей темной лошадкой.

Как и полагается темным лошадкам, моя история была чрезвычайно запутанной.

Я ушла из школы в пятнадцать, сдав только один обязательный экзамен. В те (как и в нынешние) времена от детей требовали принять серьезные решения о своем будущем, прежде чем они успевали в себе разобраться. В пятнадцать я не имела ни малейшего понятия, чем хочу заниматься, так что просто ушла. Я решила подумать об этом, и размышления заняли довольно много времени.

Пока думала, я много где успела поработать: печатала письма, разливала пиво и доставляла пиццу. Я работала в чудеснейшем центре спасения животных. Работала официанткой. Я была одной из тех надоедливых женщин в торговом центре, которые норовят обрызгать проходящих через магазин людей духами. Тех, от которых так стараются увильнуть.

Я была такой женщиной, и несколько месяцев моей жизни от меня бегали люди.

> Я никогда не теряла надежду, что однажды непременно вернусь к учебе. Я никогда не отворачивалась от своей потребности учиться и была готова на многое, чтобы эту потребность удовлетворить.

Из интереса я читала учебники. Смотрела документальные фильмы по редким и невообразимым болезням. Я ходила на курсы и на мастер-классы и всегда выискивала любую, даже самую маленькую возможность чему-нибудь научиться.

Одним августовским утром 2003 года в витрине газетного киоска я увидела на открытке объявление о базовых курсах первой помощи. У меня просто упал на нее взгляд, когда я проходила мимо. Случайность. Мгновение, связанное со многими другими мгновениями, которые в конечном счете переплелись и привели к тому, что я стала врачом. Я позвонила и записалась, и в обеденный перерыв на этих курсах рассказала обучавшему нас медработнику, как сильно любила медицину и интересовалась психиатрией, однако понимала, что теперь – мне уже было за тридцать – слишком поздно даже думать об этом. Он заверил меня, что я ошибаюсь. Он сказал, что люди поступают в медицинские школы и в тридцать, и в сорок, и уже на следующий день я спонтанно

записалась на подготовительные курсы сразу по трем предметам. Всего год спустя я оказалась на собеседовании перед пожилым и собирающимся на пенсию профессором глубоко в недрах медицинской школы. Мой возраст вызывал у него беспокойство.

– Я переживаю, как вы будете справляться с предстоящей нагрузкой в вашем возрасте, – сказал он.

– Я переживаю, как вы будете себя содержать, – сказал он.

– Я переживаю по поводу того, что вы почувствуете, когда консультант, на которого будете работать, окажется моложе вас, – сказал он.

Я отмела все его сомнения, даже последнее, которое заставило усомниться меня саму.

Профессор откинулся на спинку и сложил руки. Он молча смотрел на меня, а я – на него. Больше вопросов у него не было, и я решила, что терять нечего.

– Послушайте, – сказала я, – я прекрасно пойму, если вы меня не возьмете. Если посчитаете недостаточно умной и решите, что из меня не выйдет хорошего врача. Не возьмете по сотням другим причин, по которым вы обычно не берете людей, только прошу вас – умоляю – не нужно отклонять мою кандидатуру только из-за даты моего рождения. Такую причину сложно назвать веской, не правда ли?

Он слегка приподнял брови. «Вот и все», – подумала я. Меня не приняли.

Но через пару дней на почту пришло приглашение на уче-

бу. «*Счастливого Рождества*», – было написано от руки внизу письма.

Я не знаю наверняка, и никто не мог бы это подтвердить, однако, думаю, именно тем всплеском возмущения я и заработала себе место в медицинской школе.

3
Сердца

Люди решают пойти учиться в медицинскую школу по многим причинам, однако если бы вы спросили у каждого из нас в тот первый день, зачем мы здесь, то мы ответили бы, что хотим изменить мир к лучшему. Мы сказали бы, что хотим заниматься чем-то полезным – чем-то важным. Мы бы сказали, что хотим спасать людям жизни.

Идея спасения жизней очень многих подталкивает к поступлению в медицинскую школу, и это легко понять.

Годы спустя на своей последней стажировке перед итоговыми экзаменами я, будучи еще не совсем врачом, оказалась в отделении неотложной помощи, всячески стараясь никому не мешать. В одну из моих смен на скорой привезли женщину за сорок, у которой обычно не было проблем со здоровьем. Она жаловалась на учащенный пульс и чувство, словно должно случиться нечто ужасное. Надвигающаяся погибель. Все решили, что у нее паническая атака (точнее «просто паническая атака», так как в обществе до сих пор любят ставить слово «просто» перед всем, что связано с психическим здоровьем), и эта женщина сидела за шторкой в ожидании

результатов анализов.

Десять минут спустя у нее произошла остановка сердца.

Женщина медленно скатилась со стула на пол, и ее сердце перестало биться. Если вам когда-либо хотелось узнать, что собой представляет командная работа, то вам следует понаблюдать за проведением реанимации в больнице. Все действуют по строго заданному и чрезвычайно эффективному алгоритму. Этим занимается специально обученная команда, для реанимации существует специальная каталка, все происходит по особым правилам, и мне, как студенту-медику, было велено стоять и смотреть. По счастливой случайности за соседней шторкой оказался старший кардиолог, осматривавший другого пациента, который и взял ситуацию под контроль.

Этот кардиолог вернул женщину к жизни.

Аппаратура, лекарства и человеческий опыт заставили ее сердце снова забиться. Кардиологу удалось вытащить ее оттуда, куда она попала, и вернуть в этот мир. Ее реанимировали. Это произошло быстро и четко. Никаких осложнений не было. Женщина даже попыталась встать (нет, правда). Я впервые стала свидетелем реанимационных мероприятий и была заворожена. Я решила, что реанимация всегда проходит именно так (на самом деле нет). Женщину забрали в более подходящее место, чем диагностическое отделение, и убрали с пола весь мусор. Кардиолог повернулся к своим зрителям и сказал:

– Все-таки она была права насчет надвигающейся погибели, не так ли? – потом скрылся за шторкой, и я услышала, как он извиняется перед пациентом за свой внезапный уход, потому что кардиологи, кажется, всегда обладают безупречным чувством времени. Отделение продолжило свою работу.

Я же свою работу не продолжила. Я была зачарована увиденным. Мне хотелось спросить у кардиолога, каково это – вернуть человека к жизни. Каково выполнять свою работу везде, где только можешь, в любой момент становиться героем. Каково это – спорить с Богом. Но я не стала. Ни о чем я его не спросила, потому что очень быстро усвоила: в медицине, и особенно в хирургии, если хочешь избежать озадаченных взглядов, лучше не спрашивать людей, что они чувствуют, когда что-то делают. Вместо этого я наблюдала за его работой в отделении неотложной помощи весь оставшийся день и каждый раз, замечая его, думала: «Вот тот человек, что спас женщине жизнь. Вот тот кардиолог. Вот тот герой».

Если бы вы спросили нас в первый день в медицинской школе, какую специальность мы хотим выбрать, то кардиология была бы очень популярным ответом. «Это престижно», – скажут вам люди.

В медицине существует определенная иерархия частей тела, которую я никогда толком не понимала. В плане почета сердце бьет мозги, мозги бьют кости, кости бьют кожу.

Почки, разумеется, побили бы всех, однако многие слишком умны, чтобы заниматься подобной чепухой. Мне всегда хотелось изучать психиатрию (это было главной причиной, по которой я вообще оказалась в том лекционном зале), хотя потом я и поглядывала с трепетом на некоторые специальности, проходя по ним стажировку, – милосердие и сострадание паллиативной медицины, невероятная радость заботы о стариках. Тем не менее я знала, что в конце очень длинного пути меня ждет психиатрия, и эта мысль помогала мне продолжать по нему идти. Иногда, однако, я вспоминала того кардиолога и немного сожалела, что никогда не смогу узнать, каково это – встать на колени посреди отделения неотложной помощи и спасти чью-то жизнь.

Лишь намного позже, когда добралась до конца своего пути, я узнала нечто очень важное. Пожалуй, самое важное, что только может узнать младший врач: спасение жизней зачастую никак не связано со скальпелем или дефибриллятором. Я узнала, что жизни спасают не только на полу отделения неотложной помощи или в операционной. Жизни спасают и в тихих уголках палаты. Во время разговора в саду. На диване в комнате отдыха, когда все остальные ушли. Жизни можно спасать, замечая нечто скрытое в истории. Жизни можно спасать, устанавливая настолько доверительные отношения с пациентами, что они будут принимать все назначенные лекарства, даже если не считают, что они им нужны. Жиз-

ни можно спасать, выслушивая тех, кого не слышали всю их жизнь.

Я узнала, что спасение человека зачастую никак не связано с восстановлением сердечного ритма.

4
Тела

Дружба, сформировавшаяся в медицинской школе, остается крепкой, несмотря на расстояния и разные судьбы. Дружба с теми, кто был рядом, когда я впервые увидел труп. С теми, кто вместе со мной страдал от каждой болезни, которую мы изучали. С теми, кто был рядом, когда я впервые спросил пациента про его болезнь или переоделся, чтобы провести осмотр – с застенчивостью и одновременно самонадеянностью. Мы вместе знакомились с особыми моментами жизни других людей, а потом это вошло в рутину. Дружба помогала нам привыкнуть к новым встречам с болью, страданиями и радостью. И такие встречи начали формировать нас как врачей во многих смыслах, хотя мы еще не знали о темных углах этой новой формы, не подозревали, что наши дружеские отношения, а также новые знакомства в конечном итоге помогут нам пролить свет на эти темные углы.
Консультант

Я называла их «моментами „Кодак”». Крошечные кусочки жизни других людей, которые я каждый вечер уносила с собой домой. За годы работы я собрала множество «моментов „Кодак”», они заполняли один фотоальбом за другим в

моей голове, и их набралось настолько много, что вскоре я стала сомневаться, из того ли я сделана теста, чтобы вообще заниматься медициной.

Если пройтись по любой больнице, можно найти множество таких «моментов «Кодак» в отделениях и клиниках, а также за шторкой в безликих палатах. Если вы захотите поймать эти моменты, то вы найдете их море в реанимации и неотложной помощи. Немалая доля приходится, как правило, на онкологию, а отделение паллиативной помощи в них просто утопает. Но многие «моменты «Кодак» обнаруживаются там, где их меньше всего ожидаешь увидеть: не в главной истории, а на полях повествования, потому что зачастую именно самые крошечные детали, случайные персонажи оставляют впечатления, которые сложнее всего забыть.

Каждый раз, когда я говорила о том, какое влияние такие моменты оказывали на меня, мне непременно отвечали, что сострадание – это чудесно.

Мне говорили, что к состраданию нужно стремиться, что им следует восхищаться. Вместе с тем сострадание разъедает человеческую психику изнутри. Из-за него приходится останавливаться на обочине, возвращаясь домой, потому что из-за слез уже не видно дороги. Оно проникает в разум в темноте, не давая уснуть, и ты начинаешь задыхаться в том тесте, из которого слеплен.

Альбомы недолго пробыли пустыми. Уже на следующую неделю после того, как нас поздравляли с началом медицин-

ской карьеры в темном лекционном зале, я испытала свой самый первый «момент „Кодак”».

Он ждал меня под простыней в секционном зале.

Анатомии, как и многому другому в жизни, лучше всего учиться на собственном опыте, а не по книгам. Какими бы красочными и подробными ни были схемы в огромных учебниках, которые мы носили с собой, они ни в какое сравнение не шли с увиденным вживую, и многие выбрали нашу медицинскую школу исключительно из-за того, что в ней проводили так называемое полное препарирование тела.

Нам для изучения предоставлялся целый человек. С этим человеком, с этим трупом, нам предстояло заниматься на протяжении всех лет обучения, и по традиции, как и многие сотни студентов ранее, нас познакомили с «нашим» трупом на самой первой неделе обучения.

Я знала, что это случится. Я видела, как роковой день в расписании неумолимо приближается. Я чувствовала себя готовой. Чуть ли не равнодушной. Все будет в порядке. Это животные трогают меня до глубины души, а не люди. С людьми я смогу справиться. Вскоре, однако, мне предстояло узнать, что на самом деле я не особо хорошо справляюсь с людьми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.